

© 2020. В. И. Мельник
г. Москва, Россия

**«Милый, добрый Анатолий Федорович...»
(К вопросу об отношениях И. А. Гончарова и А. Ф. Кони)**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 17-04-50064-ОГН*

Известный юрист А. Ф. Кони был одним из немногих людей, с которыми И. А. Гончаров был особенно дружен в последние тринадцать лет жизни. После кончины Гончарова Кони написал очерк — воспоминания о нем. В научной литературе до сих пор не было попытки проанализировать этот очерк в широком контексте известных фактов и тем самым глубже вникнуть в отношения Гончарова с Кони, а в каком-то смысле и со всем кружком либерального «Вестника Европы». Кони хотя и отдал должное общественной значимости и «широкой кисти» автора «Обломова», едва ли не большую часть в освещении личности писателя посвятил слабым и негативным сторонам его характера. Кони, в частности, говорит о «болезненном настроении души» Гончарова — и непропорционально большое для юбилейного выступления место уделяет конфликту Гончарова и Тургенева, безусловно становясь на сторону последнего. Отношения Гончарова и Кони до некоторых пор представлялись в «парадном» виде, но на самом деле все обстоит сложнее. В статье анализируется мотивация Кони, настойчиво пытавшегося не допустить до опубликования «Необыкновенную историю» Гончарова. Рассматривается последовательность событий и позиции всех основных участников конфликта вокруг издания гончаровской рукописи. Таким образом, в представление об отношениях Гончарова с Кони и «Вестником Европы» в целом вносятся существенные коррективы.

Ключевые слова: Гончаров, отношения с Кони, конфликт с Тургеневым, Радлов, Старицкий, издание «Необыкновенной истории».

Информация об авторе: Мельник Владимир Иванович, ORCID: 0000-0001-9684-8943, доктор филологических наук, член-корреспондент АН Республики Татарстан, г. Москва, Россия

E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 28.11.2019

Дата публикации статьи: 24.03.2020

Для цитирования: Мельник В. И. Логика творчества И. А. Гончарова: к постановке проблемы // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 1. С. 168–195. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-1-168-195

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. Vladimir I. Melnik
Moscow, Russia

“My good, kind Anatoly Fedorovich...” (On the issue of relations of Ivan Goncharov and Anatoly Koni)

The reported study was funded by RFBR, project number 17-04-50064-OIH

The prominent lawyer Anatoly Koni was one of the few people with whom Ivan Goncharov had been particularly friendly in the last thirteen years of life. On the occasion of Ivan Goncharov's death, a feature article — memories of the latter — was written by Anatoly Koni. In the scientific literature, there has until now been no attempt to analyse that feature article in the broad context of known facts and thus to delve deeper into the relations of Ivan Goncharov with Anatoly Koni and, in a certain sense, with the entire liberal circle of the magazine “Vestnik Evropy” (Herald of Europe). Anatoly Koni, despite doing justice to public significance of that “man of broad views” — the author of the novel “Oblomov” — devoted nearly the greatest part in the coverage of the writer's personality to the weak and negative sides of character. Anatoly Koni, in particular, speaks of the “insane mood of the soul” of Ivan Goncharov — and the lawyer pays a disproportionate attention to the conflict of Ivan Goncharov with Ivan Turgenev, which is strange for a commemoration speech, and the author of the epitaph categorically does not side with the recently deceased friend. Relations of Ivan Goncharov and Anatoly Koni have been presented in the “bosom-friend” form until recently, but everything is more complicated in fact. The motivation of Anatoly Koni, who persistently tried to prevent the publication of “An Uncommon Story” by Ivan Goncharov, is analysed in the article. The sequence of events and positions of all the main participants of the conflict around Ivan Goncharov's manuscript publication is considered. Thus, significant adjustments are generally made to the notion of relations of Ivan Goncharov with Anatoly Koni and with the magazine “Vestnik Evropy” (Herald of Europe).

Keywords: Ivan Goncharov, relations with Anatoly Koni, conflict with Ivan Turgenev, Ernest Radlov, A.I. Staritskiy, “An Uncommon Story” published.

Information about the author: Vladimir I. Melnik, ORCID: 0000-0001-9684-8943, DSc in Philology, corresponding member Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Moscow, Russia.

E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Received: November 28, 2019

Published: March 24, 2020

For citation: Melnik V. I. “My good, kind Anatoly Fedorovich...” (On the issue of relations of Ivan Goncharov and Anatoly Koni). Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 1, pp. 168–195. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-1-168-195

Анатолий Федорович Кони был одним из немногих людей, с которыми Гончаров был особенно дружен в последние тринадцать лет жизни¹ (1879–1891). В университетские годы он близко сошелся с его отцом, драматургом Федором Алексеевичем Кони (1809–1879). В первом своем письме к А. Ф. Кони романист вспоминал: «При этом возвращаю Вам, дорогой Анатолий Федорович, альбом Вашего покойного отца, моего сверстника и универс<итетского> товарища. Сколько эти пожелтевшие страницы возбудили воспоминаний во мне о прошлом! За полвека и даже более назад: подумайте! С Федором Алек<еевичем> я постоянно видался, но реже в университете, куда он не часто жаловал², а более на стороне, и именно у доброй, симпатичной М. Д. Льво-

¹ Сам А. Ф. Кони говорит о пятнадцати последних годах жизни Гончарова, но документальных свидетельств, подтверждающих, что Гончаров и Кони общались с 1877 г., не обнаружено, хотя известно, что в детстве он видел пришедшего к его отцу домой писателя. Первое письмо Гончаров написал Кони в 1879 г., и по его характеру видно, что это именно начало знакомства: писатель вспоминает свою дружбу с отцом Кони, известным водевилистом и журналистом Ф. Кони. Впрочем, существовал план воспоминаний Кони о Гончарове, в котором есть строки: «Встречи в 1874 году. “Как кнутом бьет”. Собачка (1872 г.) и потребность любви. Встреча у Стасюлевиной. Манера себя держать. Руки. Возвращение вместе в Моховую» (цит. по: [Балакин 2014: 9]). Скорее всего, встречи 1872 и 1874 гг. были всего лишь эпизодами, хотя формально прибавляют к срокам знакомства еще 5–7 лет. Кони не включил в свои воспоминания о Гончарове этих ранних эпизодов. Балакин пытается реконструировать воспоминания — и принимает указание на 1874 г. как на начало знакомства. При этом он приводит цитату из Кони, который говорит о 15 годах знакомства. Однако если принимать 1874 г., то надо говорить не о 15, а о 17 годах знакомства (1874–1891).

² Ф. Кони в 1833 г. окончил медицинский факультет Московского университета, но имел склонность к театру и искусству. С 1832 по 1837 гг. на сцене шли переделанные им с французского водевили. Его водевили конца 1830-х — 1840-х гг. («Петербургские квартиры», «Титулярный со-

вой-Синецкой¹... У нее толпился тогда почти весь театральный персонаж в главных представителях. Пелось, игралось, плясалось, елось и пилось вдоволь. Там, могу сказать, и мои “младые дни неслись”. Приходили литераторы, читали, говорили — словом, прекрасный центр и жизни, и искусства с умной, талантливой и гостеприимной хозяйкой во главе. Отец Ваш был частый посетитель, а хозяин там был Варламов², bohmién³ по натуре своей, но талантливый композитор, юморист и очаровательный певец в салоне. Из силуэтов я никого не узнал, но рядом с Надеждиным⁴ сейчас же признал Ивашковского⁵» [Гончаров 2000б: 441].

Именно Ф. Кони ввел Гончарова в театральный мир Москвы и Малого театра [Мельник 2017: 24–31]. Вероятнее всего, А. Ф. Кони и Гончаров познакомились в 1855 г. по возвращении романиста из кружосветного плавания. Молодой друг писателя позже вспоминал: «В начале семидесятых годов⁶ я снова встретился с ним и, сойдясь довольно близко, пользовался его неизменным дружеским расположением в течение последних пятнадцати лет его жизни» [Кони б: 279].

У Гончарова и Кони был большой круг общих знакомых. Их встречи происходили чаще всего на Моховой у Гончарова, иногда — в доме Кони или у общих знакомых — в семьях А. В. Никитенко и редактора журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевича. Многие годы Кони

ветник», «Деловой человек» и др.) отметил В.Г. Белинский: «...есть все, что требуется от водевиля: и острота, и веселость, и легкость, и игривость, забавные положения и маленькие куплеты». С 1840 г. Кони — издатель художественно-литературного журнала «Пантеон русского и всех европейских театров». В 1841–1843 гг. он становится редактором «Литературной газеты».

¹ Мария Дмитриевна Львова-Синецкая (1795–1875) — московская актриса, хозяйка театрального салона в 1820–1830-е гг.

² Александр Егорович Варламов (1801, Орск — 1848, Санкт-Петербург) — русский композитор, капельмейстер, певец, музыкальный критик.

³ Бродяга — фр.

⁴ Николай Иванович Надеждин (1804–1856) — известный критик, издатель журнала «Телескоп», профессор Московского университета.

⁵ Семён Мартынович Ивашковский (1774–1850) — русский филолог, профессор Московского университета.

⁶ Скорее, речь должна идти о середине или, еще более вероятно, о конце 1870-х гг.: первое письмо Гончарова к Кони с воспоминаниями о его отце относится к 1879 г.

проявлял в отношении писателя чуткость и доброту, Гончаров же воспринимал Кони (так же, как актера И. И. Монахова [Гончаров 2000в: 539–559], а ранее И. И. Льховского) почти как своего сына, радовался его успехам, подбадривал в неприятностях, наставлял.

Питая глубокий интерес к судебной реформе 1864 г. (многие ее деятели вращались в кругу «Вестника Европы» и были связаны с его редактором Стасюлевичем, как и Гончаров), к деятельности мировых судов, горячим поборником которых выступил Кони [См.: Смолярчук], романист постоянно следил за служебной карьерой своего молодого друга. Писатель проявлял интерес к его профессиональным трудам. Когда в 1888 г. судебные речи Кони вышли отдельной книгой, Гончаров сумел оценить значение этой книги, предрекая ей долгую жизнь и говоря о важной услуге, оказанной русскому обществу, науке и «множеству живущих и грядущих поколений» [Гончаров 2000б: 518]. Романист ценил в деятельности Кони тот «гуманитет», который во многом объединял весь круг «Вестника Европы», наследовавшего традиции Карамзина и его журнала¹.

Благодаря Кони Гончаров следил за самыми острыми вопросами современной русской жизни. Судя по всему, писатель был посвящен своим другом в ход судебного процесса над Верой Засулич, революционеркой, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Ведь, как известно, Кони был председателем суда на этом процессе, носившем сенсационный характер: 31 марта 1878 г. Петербургский окружной суд вынес Засулич оправдательный приговор. 16 февраля 1888 г., ободряя своего друга, Гончаров писал: «Имея в портфеле “Дело Засулич”, — Вам нельзя предаваться грусти, когда в ящике Пандоры осталась такая “надежда”» [Гончаров 2000б: 518].

Старый писатель переживал за судьбу Кони, пытался наставить его, уберечь от опрометчивых шагов. Он ценит и мощный интеллект, и наблюдательность, и тонкий вкус своего собеседника, обсуждает с ним самые разные литературные вопросы, делится воспоминаниями. В их беседах часто звучат имена А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Я. П. Полонского, Д. В. Григоровича, П. Д. Боборыкина, Э. Золя и др.

¹ В «Заметках по поводу юбилея Карамзина» Гончаров писал о своем великом земляке как о «проводнике знания, возвышенных идей, благородных, нравственных, гуманных начал в массу общества».

На теплое чувство старого романиста Кони старался отвечать «нежностью к его сединам» и глубоким, неизменным уважением к его мощному таланту. Уже в зрелом возрасте перечитывая «Обломова», он признавался, что «снова плакал над некоторыми страницами, снова восхищался этим чудным, точно из мрамора вырубленным языком, и горделиво вспоминал», что имеет «честь пользоваться... дружбою» писателя. «Нет! — убеждал он Гончарова. — Вы должны издать Ваши сочинения. Вы не имеет права лишать молодое поколение Вашей родины возможности наслаждаться этими облагораживающими строками» [Кони 8: 53–54]. Признавая за Гончаровым «непререкаемое право» на одно из самых выдающихся мест в первом ряду русских писателей, Кони старался помочь исследователям его творчества. Так, например, он передал французскому ученому А. Мазону материалы, на основе которых тот написал две работы: «Гончаров как цензор» [Мазон 1911: 471–484] и «Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова» [Мазон 1912]. Свою переписку с писателем он отдавал для ознакомления Е. Ляцкому, работавшему над книгой о Гончарове.

При этом, несмотря на самые почтительные, порою действительно «нежные» чувства к сединам Гончарова, Кони не всегда спокойно, без раздражения воспринимал те свойства характера своего старшего друга, которые появились у него на склоне лет. Это и обострившаяся подозрительность, нашедшая выражение в гончаровской «Необыкновенной истории», и «некоторая доза старческого эгоизма» и т. п. Отзвуки такого раздражения обнаруживаются в некоторых письмах Кони — не к самому Гончарову, но к другим его корреспондентам¹.

Свое понимание личности писателя Кони раскрыл в юбилейной статье 1912 г., хотя упоминания об авторе «Обломова» есть и в очерке «Петербург (Воспоминания старожила)», и в подобном же очерке-воспоминании о журнале «Вестник Европы». В научной литературе до сих пор не было попытки проанализировать мемуарный очерк Кони о Гончарове, а между тем этот очерк, взятый в контексте событий, связанных с публикацией «Необыкновенной истории», позволяет глубже вникнуть в отношения Гончарова с Кони и, в каком-то смысле, со всем кружком либерального «Вестника Европы». В рамках настоящей рабо-

¹ Подробно о том, как складывались отношения Гончарова и Кони см.: [Мельник 1985: 163–165; Гончаров 1994а: 59–73; Гончаров 1994б: 82–95; Гончаров 2006: 434–534].

ты мы ограничимся лишь самым главным. В юбилейный 1912 год очерк Кони начинался как экспромт, как вдохновенно произнесенная сразу за предшествующим оратором речь: «Только что говоривший на этой кафедре академик Овсяннико-Куликовский уже сказал нам о художнике великой силы, о бытописателе, умевшем в ярком образе отметить такое присущее нашей жизни явление, как обломовщина. Но рядом и в неразрывной связи с творчеством писателя стоит его личность. На ней хочу я преимущественно остановиться». На самом деле Кони долго готовился к этой юбилейной речи — и работал над нею весь 1911 год. Так, за год до упомянутого заседания, 8 апреля 1911 года, он пишет короткую записку театральному деятелю, барону Николаю Васильевичу Остен-Дризену: «В поисках материала для биографии И. А. Гончарова я обнаружил записочку, напоминающую, что <нрзб.> записка Писарева¹ к И. А. Не знаете ли, где она напечатана?»². Через два дня он пишет письмо к великому князю Константину Константиновичу Романову: «Я воспользовался несколькими днями сравнительной свободы от “каторжных работ на Сахалине у Синего моста”, чтобы заняться нашим другом Гончаровым и перечитать его огромную переписку с М. М. Стасюлевичем и семейством академика Никитенко, предоставленную в полное мое распоряжение» [Кони 1911: 425].

Помимо переписки Гончарова со Стасюлевичами и Никитенками, в руки Кони попала и насыщенная по содержанию переписка писателя с великим князем Константином Константиновичем (что нашло прямое

¹ Скорее всего, речь идет о неизвестной записке к Гончарову Модеста Ивановича Писарева (1844–1905), с 1885 г. являвшегося актером Александринского театра. У Гончарова было о чем поговорить с актером, чья театральная карьера началась в Симбирске. В 1865 г. Писарев окончил юридический факультет Московского университета. Творческий путь его начался в московских театральных кружках. С 1859 г. он выступал на любительской сцене. Профессиональную сценическую деятельность начал в 1867 г. в Симбирске. Работал в Оренбурге, городах Поволжья, Урала, затем в Москве (театр А. А. Бренко, театр Корша и др.), с 1885 г. — в Александринском театре в Петербурге. Как и Гончаров, Писарев глубоко почитал талант А. Н. Островского, ему довелось играть роль Несчастливцева в пьесе Островского «Лес» и Русакова в пьесе «Не в свои сани не садись». Это был один из образованнейших русских актеров своего времени. М. И. Писарев присутствовал на похоронах Гончарова.

² ГПБ. Ф. 263. Арх. Н.В. Дризен, № 179. Письмо А.Ф. Кони барону Н.В. Дризену от 8 апреля 1911 г.

отражение в его очерке). Очевидно, князь Константин, выступивший вместе с Кони инициатором проведения юбилейных торжеств Гончарова 15 апреля 1912 г. в заседании Разряда изящной словесности Императорской академии наук, передал ему для ознакомления свою переписку с автором «Обломова».

Кони хотя и был знаком с Гончаровым много лет, подавляющую часть воспоминаний посвятил художественной стороне его творчества, цитируя большие отрывки из его произведений. Свои мастеровито составленные рассуждения «об условиях творчества Гончарова», о его творческих установках, он строит на статьях В. Г. Белинского, А. В. Дружинина (сравнение с Рубенсом), Н. А. Добролюбова, А. Ляцкого (автобиографический характер творчества). Некоторые его утверждения (например, о том, что у Гончарова в произведениях не видно юмора), его общая — весьма поверхностная — характеристика романов Гончарова (например: «Обыкновенная история» была своего рода эпопеей личности, приходящей в столкновение с прозой жизни», «его Обломов так же бессмертен, как Чичиков»¹) и пр. вызывают удивление и свидетельствуют о том, что Кони не понимал глубины произведений своего друга и не был посвящен автором в сокровенные стороны его творчества («Напрасно я ждал, что кто-нибудь... прочтет между строками»). Зная, что тираж «Вестника Европы» его друга М. М. Стасюлевича во время публикации «Обрыва» вырос почти вдвое (с 3 с половиной до пяти тысяч экземпляров²) и что публика жадно читала новое произведение Гончарова, Кони все-таки в оценке романа исходит из реакции враждебной Гончарову или, во всяком случае, весьма банальной в своих суждениях и ошибочной критики: «...русская жизнь опередила медлительную отзывчивость художника». Кони привык вычитывать в произведениях художественной литературы очевидную злобу дня, и в этом плане Гончаров его мало устраивал: «У него... нет в произведениях политических или общественных вопросов, которые ставились бы или разрешались автором» [Кони 1989: 56].

¹ Кони настаивает на этой параллели, считая, видимо, Чичикова одним из главных представителей русского национального характера в литературе, и повторяет ее в статье «Похороны Тургенева» [Кони 1989: 174].

² До опубликования «Обрыва» журнал выходил ежеквартально, именно публикация романа Гончарова сделал «Вестник Европы» ежемесячным изданием.

Что касается личной стороны жизни Гончарова, то Кони хотя и отдал должное общественной значимости и «широкой кисти» автора «Обломова», едва ли не большую часть в освещении личности писателя посвятил слабым, негативным сторонам его характера. Он двусмысленно ставит рядом разговор о роли «страстей» в жизни Гончарова и о привязанности его к семье вдовы Трейгут¹, особенно к одной из ее дочерей, Сане, к которой писатель действительно относился как к собственному ребенку. В то время такое публичное утверждение должно было звучать сенсационно и вызывать отнюдь не юбилейные отголоски. Кони также говорит о «болезненном настроении души» Гончарова — и непропорционально большое для юбилейного выступления место уделяет конфликту Гончарова и Тургенева, безусловно становясь на сторону последнего. Кони считает, что «чувство к Тургеневу» у Гончарова было «если и не прямо враждебное, то, во всяком случае, полное крайнего недоверия, смешанного с какою-то смутною боязнью» [Кони 1989: 66].

При этом следует учесть: Гончарова знаменитый юрист знал целых пятнадцать (как он утверждает) лет, а с Тургеневым встречался несколько раз в жизни. Тем не менее он лишь единожды, в 1912 г., выступил с юбилейной речью о Гончарове, зато о Тургеневе в книге его воспоминаний написано целых четыре статьи: «Тургенев» (1908), «Памяти Тургенева» (1909), «Савина и Тургенев» (1918), «Похороны Тургенева» (1921). В этих статьях чувствуется неподдельная, искренняя симпатия к автору «Отцов и детей», восторг перед его «нежными и пленительными контурами», которые напоминают ему «письмо Рафаэля». Во многих суждениях о Тургеневе Кони допускает сильно преувеличенные похвалы. Например, забывая о таких образах, как Татьяна Ларина («Евгений Онегин»), Маша Миронова («Капитанская дочка»), Настасья Филипповна из «Идиота», Наташа Ростова из «Войны и мира», Вера, Марфенька, Татьяна Марковна («Обрыв»), он пишет в одной из статей о Тургеневе: «Ему принадлежит первое место среди изобразителей русской женщины и толкователей ее душевного строя».

Отношения Гончарова и Кони до некоторых пор представлялись в «парадном» виде: стареющий писатель поддерживает трогательные дружеские отношения с молодым талантливым юристом: с обеих сто-

¹ В последнее время исследователи стали затрагивать эту щекотливую тему и публиковать новые материалы [Балакин 2014].

рон проявляется уважение и желание поддержать советом или делом. На самом деле все обстоит, на наш взгляд, несколько сложнее. Отношения семидесятилетнего Гончарова к Кони (которому еще нет и сорока) — однолинейны и просты. Он видит в нем умного, волевого, талантливого человека, глубокого, тонкого, хорошо информированного собеседника, с которым ему легко и которому многое, хотя и не все, можно доверить, которому можно пожаловаться на здоровье, погоду, а поскольку Кони близок ему по взглядам, то порою и на власти. В плане же «самораскрытия» исключительное место занимала в жизни Гончарова только С. А. Никитенко, которая знала более других. Во всяком случае, Кони — бесценный носитель информации о представителях «верхушки общества», о проблемах русской жизни, выплескивающих в суде, о проходящих реформах и пр. Если учесть, что Кони глубоко и сострадательно понимал личность и обстоятельства жизни Гончарова, внося в эту жизнь атмосферу обновления и движения (дефицит которых уже испытывал Гончаров в 1870-е — 1880-е гг.), то можно понять, как ценил свою дружбу с Кони стареющий писатель.

Со стороны Кони наблюдается несколько иное — в силу возрастных и прочих причин — отношение. Надо учесть, что для него Гончаров — живой, хотя и не первый в России, классик литературы, дружба с которым, конечно, льстит, но не всегда приносит одни радости. Гончарова как писателя мемуарист очень ценит. Кони аккуратно собирает письма Гончарова, обсуждает с ним литературные вопросы, интересуется его планами. В юбилейном 1912 г. он мог сказать в своей речи: «В начале семидесятых годов я снова встретился с ним и, сойдясь довольно близко, пользовался его неизменным дружеским расположением в течение последних пятнадцати лет его жизни. В моем жилище хранится толстая пачка его писем, полных живого и глубокого интереса, а со стен на меня смотрят Вера с Марком Волоховым и Марфинька в оригинальных рисунках Трутовского с посвящением их автору «Обрыва», завещанные мне последним» [Кони 1989: 55].

Конечно, мало кто проявлял к Гончарову в эти годы столько человеческого сочувствия, как Кони, особенно в начале их знакомства. Обсуждение с М. Г. Савиной в 1880 г. домашней жизни Гончарова однозначно свидетельствует в пользу искренности и сердобольности Кони, которые лишь с годами несколько притупятся. Кони пишет Савиной 15 июля 1880 г.: «Есть тяжкие физические страдания, когда

помочь нельзя, а можно лишь на время дать забыть боль. То же и в области душевной. Годы уединения, вдумчивости, беспощадного анализа себя и других и притом с точки зрения обязательных идеалов и их реального невыполнения... хмель общих восторгов и тупая боль равнодушного забвения толпою чрез несколько лет... могут сложиться так, что тихое страдание станет неразрывным с самою жизнью, — что явится известная ревность к своему горю и тоске, которая будет щетиниться при всяком прикосновении к этому уже даже любящей и нежной руки» [Ежегодник: 185]. Эта уникальная характеристика личности Гончарова могла быть дана только человеком, которому писатель в какой-то мере «раскрыл» себя¹. И далее о ситуации с Трейгутами: «Прибавьте к этому, — завязанный судьбою в усталом сердце узел последней (последней!) привязанности к ребенку²; а за этим ребенком грубое, капризное, тупо-злое и неразвитое существо, которое мнет бессознательно нежные и эстетические чувства старика³ <...> Разорвать этот узел невозможно, вплестись в него светлую нитью нельзя, ибо грубая ткань не терпит соседства ткани нежной... Я тоже немало думал об этом — и горько, любя и сострадая, думал... Полагаю, что снисхождение к брюзжанию, умение слушать, — отсутствие горячих споров (его не переучишь, да и кто имеет право переделывать внутренний строй убеждений человека мыслившего и страдавшего?) — и нелicenseмерное искреннее уважение со стороны окружающих — облегчает нашего друга... <...> Утолять боль его души Вы умеете как только умеет русская женщина, — но прекратить его страдания — едва ли кто-либо в силах» [Ежегодник: 185].

Но в жизни Кони приходится иметь дело не столько с писателем, автором, сколько с пожилым человеком, с его «старческим брюзжанием», болезнями, бесконечными «зазываниями в гости» в свободное время, которого решительно нет у занятого юриста высочайшей квалификации, даже с капризами и пр. Весьма характерно в этом отношении письмо к С. А. Андреевскому от 21 июля 1883 г. из Дуббелна, где Кони отдыхал вместе с Гончаровым. «В довершение всего, — писал он, — меня ужасно стесняет Гончаров, — не тот окруженный ореолом

¹ Очевидно, что Гончаров сказал Кони то же самое, что написал в письме к С. А. Никитенко от 8 июня 1860 г. из Мариенбада.

² Речь идет о Сане Трейгут.

³ Служанка Гончарова Александра Ивановна Трейгут [Балакин 2014].

художественной красоты старец, который написал “Обрыв” и т. д., а будничным, брюзгливым, капризным, ослабевший памятью, мелочный и опустившийся старик, — больной и грустный — это правда, но в большом количестве нестерпимый, несмотря на мой терпеливый характер и нежную по отношению к нему деликатность...” [Кони 8: 62].

Притом надо учесть, что Кони воспринимает ценность писательской работы глазами критиков, которые в период 1870–1880-х гг. Гончарова не жаловали. Великие произведения Гончарова остались в прошлом, теперь он пишет мемуарного характера мелкие очерки, вроде «Слут старого века», газетные статьи, от всех скрываемую «Необыкновенную историю» (до 1920 г. Кони, скорее всего, не знал о существовании этого произведения). Понять глубину гончаровского творчества было Кони не по плечу. В глазах критиков (а значит, и в его собственных) в русской литературе Гончаров занимает далеко не первое место, уступая не только Л. Толстому и Ф. Достоевскому, но и — безусловно — Тургеневу. Именно с ними хотелось бы общаться больше, не эпизодически, но судьба распорядилась по-своему — и на долгие годы Кони был связан — и связан тесно — как раз с Гончаровым.

Особенно выделяет Кони фигуру Тургенева. Как уже было сказано, он посвящает ему целых четыре мемуарных статьи. Он ценит автора «Отцов и детей» за его «аннибалову клятву», за поэтизацию народной жизни, за открытость «злобе дня», за искренность переживания, за лиричность и возвышенность — за все, что у Гончарова было сокрыто «за семью печатями» и выражено не в открытой форме, а в структуре образов и тщательно продуманной архитектонике его романного эпоса. По своим личностным и художественным свойствам Тургенев был современникам гораздо понятнее и симпатичнее, чем Гончаров, который — в своей концентрированности и необычайной емкости, в глубине высочайших идеалов, сравнимых с образами Данте, Шекспира, Сервантеса, — начинает открываться лишь в последнее время.

В своем понимании Гончарова и Тургенева мемуарист Кони был не одинок. Напротив, он выражал вполне усредненное мнение. Он буквально боготворил мало известного ему лично Тургенева и слишком хорошо изучил за пятнадцать лет все душевные и бытовые «язвы» Гончарова. Тургенев для него всегда фигура общественно значимая, всегда «представитель» — то России, то «западничества», посланник России в

Европе, «представитель» молодого поколения и пр.¹ Гончаров же чаще видится ему в бытовом контексте: дряхлеющий талант, даже «опустившийся старик». Подобное восприятие идет от многолетнего терпеливого несения «стариковского брюзжания» и пр. Гончарова.

Кони много раз становился невольным свидетелем негативного отношения Гончарова к Тургеневу — и вынужден был молчать или успокаивать Гончарова общими словами. В набросках к своим воспоминаниям о Гончарове он писал: «Я старался избегать в моих беседах с Гончаровым касаться этого вопроса, хотя бы определенным намеком» [Балакин 2012: 98]. Это копилось многие годы. Может быть, поэтому он невольно стал связывать этих писателей и сначала подсознательно, а потом открыто сравнивать их между собою. Весьма характерно, что почти все негативные характеристики Гончарова из уст Кони звучат тогда, когда речь заходит о Тургеневе и его конфликте с автором «Обрыва». Значительную часть его юбилейной речи о Гончарове занимает конфликт автора «Обломова» с Тургеневым, что не совсем укладывается в жанр юбилея, тем более что симпатии мемуариста явно на стороне Тургенева. Судя по ссылкам, Кони не знает, что Гончаров написал «Необыкновенную историю» — и создает свою версию событий (как и опасался романист, версию «протургеневскую»), причем, в противопоставлении Тургеневу, он готов обвинить не одного только Гончарова, но и других русских и иностранных писателей: «Известно, что Тургенев, в силу каких-то неуловимых особенностей и мягкости своего характера, вызывал у некоторых сомнение в своей искренности и этими своими свойствами возбуждал против себя. Достаточно припомнить злобный памфлет Достоевского в “Бесах”, ссору Тургенева с Толстым, отзыв о нем Додэ в “Trente ans de Paris”. Чем-нибудь из этих своих свойств он, вероятно, бессознательно уязвил и Гончарова, и на этой почве у последнего выросла так называемая навязчивая идея, подобная той, которой, как ныне оказывается, страдал драматург Стриндберг. Такая идея, как известно, сначала является лишь временами, отгоняемая рассудком, но затем рассудок перестает с нею бороться, и она овладевает вполне сознанием своей жертвы и образует своего рода безумный круг представлений, в котором уже все ей подчиняется и ею внушается...

¹ Однако Кони не слишком пощадил Тургенева, постоянно возвращаясь к теме двусмысленного и даже униженного положения писателя в любви к Полине Виардо.

Так было и с Гончаровым, который вообще отличался мнительностью» [Кони 1989: 67].

Не удивительно, что Кони довольно бесцеремонно обращается с памятью Гончарова в своих «воспоминаниях». Более чем за год до своей речи Кони пишет великому князю К. К. Романову: «Не скрою, что я вынес из этой работы крайне тягостное впечатление, омрачающее образ Ивана Александровича во многих отношениях. Мне больно было читать эти мелко исписанные страницы, развертывающие картину крайнего, почти чудовищного самолюбия, зависти, чревоугодничества и эгоизма, картину недружелюбия к людям (главным образом к Тургеневу), доходящего до галлюцинаций, до мании преследования, до настоящей клинической картины безумия». Создается впечатление, что Кони пятнадцать лет общался не с Гончаровым, а с каким-то другим человеком, которого только сейчас узнал по его письмам к общим знакомым. А вот и главное: «Я искал чего-либо положительного для будущих “поминок” о нем — и нашел одно отрицательное» [Кони 1911: 425]. Лишь деликатность великого князя, о которой, конечно, знал Кони, не позволила Константину Константиновичу урезонить молодого друга Гончарова, к которому К. Р. питал глубочайшее уважение. Возможно, впрочем, что великий князь внес определенные коррективы — и Кони в своей речи все-таки отметил многие положительные личностные качества автора «Обломова».

Конечно, встает резонный вопрос: при столь чудовищной характеристике личности Гончарова — как тесно и много Кони общался с писателем целых пятнадцать лет? Может быть, главную роль в его дружбе с Гончаровым играло самолюбие и лестное звание «близкого друга» Гончарова, от которого осталась на руках «толстая пачка его писем, полных живого и глубокого интереса»? Недаром современный исследователь пишет о мемуарах Кони: «Строго говоря, это не мемуары, а литературный этюд, анализирующий основные мотивы и характер творчества Гончарова, с гомеопатическими вкраплениями личных воспоминаний. Даже сам Кони не относил его к мемуарам: формируя второй том своей книги “На жизненном пути” (СПб., 1912), он включил его не в раздел “Из воспоминаний”, а в раздел “Публичные чтения”, где собрал речи и статьи, имеющий гораздо более официальный характер. Многолетний друг Гончарова, Кони не счел нужным поделиться житейскими воспоминаниями о нем, рассказать о многочисленных бесе-

дах со знаменитым писателем, почти не упомянул о его личной жизни, бедах и заботах — подобно тому, как он рассказал о людях, с которыми был гораздо менее близок. Это тем более удивительно, что к созданию подробного мемуарного очерка Кони готовился долго и тщательно» [Балакин 2014: 3–24].

Где же кроется корень этой раздвоенности Кони? Неужели он лишь из-за одного «старческого брюзжания», «чревоугодия» и пр. Гончарова позволил себе эту видимую всем двойственность, не украшающую мемуариста? Разумеется, нет. Как ни странно, главным здесь явился вопрос о конфликте Гончарова и Тургенева. Причины такого интереса к конфликту со стороны кружка Стасюлевича и «Вестника Европы» до конца пока трудно объяснить. Но вот характерные факты. А. Ю. Балакин документально доказывает, что фактически идею о мемуарах подал Кони Евгений Ляцкий еще в 1906 г.: «Право, Анатолий Федорович, сделайте это — не для себя, для Ив<ана> Ал<ександровича>, для Вест<ника> Европы и для всей России» (письмо от 18 декабря 1906 г.). Еще 27 ноября 1903 г. Ляцкий обратился к Кони с просьбой о встрече для беседы о писателе: «Дело в том, что теперь заходит речь об издании моих старых и последних статей о Гончарове в виде отдельной книги, и мне было бы в высшей степени желательно поговорить с Вами в этом направлении» [Балакин 2014: 5]. Кони передавал Ляцкому письма Гончарова на протяжении всего 1905 года. Ляцкий с чрезвычайной деликатностью и уважением к памяти Гончарова знакомился с этими письмами: «Они драгоценны... и я читал их с чувством бережного и застенчивого умиления». Тем не менее Ляцкий не воспользовался письмами Гончарова к Кони, объясняя это следующим образом: «Склад гончаровской личности — строй его мыслей и чувств — сказался в письмах гораздо бледнее, чем в его сочинениях, и тот высокий лиризм, который одухотворял лучшие страницы его романов, ни в одном из известных нам писем не поднялся над уровнем приветливой доброты старика, недовольного всем миром, и только для ближайших друзей сберегающего маленький оазис в своей душе. В письмах своих, капризных по тону, то меланхолических и ворчливых, то светски любезных и остроумных, Гончаров был не более субъективен (или объективен, по терминологии старой критики), чем в своих романах; нигде не показались нам они тою исповедью души, которая знаменует собой горячее и непосредственное излияние переполнившего душу чувства» [Балакин 2014: 7].

По сути, Ляцкий говорит о том, что письма к Кони раскрывают лишь быт Гончарова, но не его высокие чувства и мысли, что лишь подтверждает наше мнение, что Гончаров далеко не во все посвящал своего молодого друга, а возможно, и «Необыкновенную историю» стал писать в начале 1870-х гг., опасаясь враждебных трактовок его отношений с Тургеневым, которым тем более поверят, что исходить они будут от «близких друзей». Недаром в примечаниях к «Необыкновенной истории» он прямо относит Стасюлевича к своим тайным противникам в конфликте с Тургеневым: «...эта рукопись не должна быть вверяема — никому из личных друзей, или, вернее, покорнейших слуг Тургенева: например, Стасюлевича... где, конечно, будут всячески его оправдывать — а меня обвинять» [Гончаров 2000а: 278]. И писатель оказался прав! В воспоминаниях Кони о Гончарове не только затронут вопрос о конфликте с Тургеневым, но и дается вполне «тургеньевская» интерпретация событий. «Милльон терзаний» Гончаров написал в предчувствии того, что его объявят, как и Чацкого, сумасшедшим («мнительным»). Интересно, что и опубликовал свою статью он в «Вестнике Европы» в 1872 году [Гончаров 1872: 429–460].

В 1870-е гг. (основная часть датирована декабрем 1875 — январем 1876 гг.) пишется самая печальная книга Гончарова — «Необыкновенная история». Помимо других, в ней затронута важнейшая для писателя тема — тема современного состояния умов, отношения русского общества к религии. Но главное — в «Необыкновенной истории» излагается сложная история отношений Гончарова с его «другом-соперником» в литературе Тургеневым. Гончаров писал здесь: «Завещаю — моим наследникам и вообще всем тем, в чьи руки и в чье распоряжение поступит эта рукопись, заимствовать из нее и огласить, что окажется необходимым и возможным — во 1-х — не прежде пяти лет после моей смерти — и во 2-х — в таком только случае, если через Тургенева, или через других в печати возникнет и утвердится убеждение (основанное на сходстве моих романов с романами как Тургенева, так и иностранных романистов), что не они у меня, а я заимствовал у них — и вообще, что я шел по чужим следам!

В противном случае, то есть если хотя и будут находить сходство, но никакого предосудительного мнения о заимствовании выражать не будут, то эту рукопись прошу предать всю огню или отдать на хранение в Им<ператорскую> Публ<ичную> библиотеку, как материал для

будущего историка русской литературы. Прошу убедительно об этом и надеюсь, что воля умершего будет уважена!

Само собою разумеется, что эта рукопись не должна быть вверяема — никому из личных друзей, или, вернее, покорнейших слуг Тургенева: например, Стасюлевича, Анненкова, <Н. Н.> Тютчева и всего этого круга — где, конечно, будут всячески его оправдывать — а меня обвинять. — Тонкой, пронизательной критики у нас теперь нет — хотя есть умные перья, но большею частью) — публицисты, а не критики. А одна глубокая, пронизательная и беспристрастная критика и может только внимательно взвесить, обсудить и решить спор подобного рода. Она и скажет: кто из нас прав, кто виноват, не теперь, так со временем. А его друзья (или слуги — у него друзей не было) будут только пристрастно вопиять за него и против меня. Иван Гончаров. Декабрь 1875 и январь 1876 года» [Гончаров 2000а: 278].

На наш взгляд, Кони долгое время и после своих «мемуаров» 1912 г. не знал о существовании «Необыкновенной истории» или, во всяком случае, не держал рукопись в руках. До некоторых пор невозможно было проверить достоверность его утверждений, что перед своей смертью в 1901 г. С. А. Никитенко передала ему это загадочное произведение Гончарова. Авторы предисловия к переписке Кони и Радлова принимают на веру версию, изложенную в письме Кони к директору Публичной библиотеки Э. Л. Радлову. Однако в этой версии — сплошные загадки: «В 1901 г. С. А. Никитенко скончалась. Незадолго до смерти она передала рукопись “Необыкновенной истории” А. Ф. Кони в полное его распоряжение (об этом он вспоминает в публикуемом ниже письме к Э. Л. Радлову). Ознакомившись с рукописью, Кони пришел к выводу, что она должна быть уничтожена как документ, компрометирующий память Гончарова; эту точку зрения разделял и Н. А. Котляревский, которому Кони дал прочитать “Необыкновенную историю”. Тем не менее привести свою мысль в исполнение он не решился и рукопись не уничтожил. Что произошло с этой рукописью в дальнейшем, остается неразрешимой загадкой. По-видимому, она каким-то образом исчезла из архива Кони, и на протяжении двух десятилетий судьба ее не прослеживается — вплоть до начала 1920 г., когда некто А. И. Старицкий обратился в Российскую Публичную библиотеку с предложением приобрести у него автограф “Необыкновенной истории”» [О первой публикации «Необыкновенной истории»: 305]. На самом деле Никитенко не

передавала рукопись Кони — и не могла передать по важной причине. Позднейшие исследования показали, что рукопись была передана другому человеку, родственнику Никитенко А. И. Старицкому. Не принято во внимание, что Никитенко являлась самым доверенным лицом Гончарова и, конечно, была в курсе, от кого хотел уберечь эту рукопись писатель (Стасюлевич и его круг, куда входил и Кони). Во-вторых, еще более важна фигура Александра Ивановича Старицкого, который не просто хранил рукопись два десятка лет и потом продал ее в Публичную библиотеку. Его записка говорит о том, что он был не случайным человеком в этой истории. Кони, пытаясь повлиять на решение Радлова, объявил себя чуть ли не наследником Гончарова, утверждая, что в 1901 г. Никитенко передала ему рукопись «Необыкновенной истории», но она пропала. Получается, что Кони имел полное моральное право диктовать, что именно следует сделать с рукописью, а некто Старицкий выступает в его письме (хотя он почему-то и не утверждает этого прямо) в незавидной роли похитителя рукописи (по умолчанию).

Однако Кони не мог письменно обвинить Старицкого — по нескольким причинам. Во-первых, он прекрасно знал, что Никитенко передала рукопись именно Старицкому, а во-вторых, потому, что Старицкий был слишком известным человеком. В 1994 г. сотрудница Ульяновского музея Гончарова Антонина Васильевна Лобкарева опубликовала статью «К вопросу об истории архива И. А. Гончарова» [Лобкарева: 297–302]. В этой статье она рассказала о судьбе той части гончаровского архива, которая перешла к С. Никитенко. Судя по статье А. В. Лобкаревой, новые факты были получены, в частности, благодаря знакомству с дочерью Старицкого — Екатериной Александровной Старицкой, которая вернулась из эмиграции в 1956 г. («жила в Москве, на Зубовской площади, в бывшем доме Любоцинских»). Екатерина Старицкая рассказала о своем отце и о судьбе архива. А. И. Старицкий родился 28 сентября 1858 г., в 1882 г. окончил юридический факультет Московского университета. Служил в министерствах юстиции и внутренних дел, в 1893 г. назначен Орловским вице-губернатором, в 1897–1899 гг. был Екатеринославским вице-губернатором. С 1899 г. он служил в Государственном совете. Столь известного человека трудно и опасно было объявлять мошенником или похитителем рукописи. Письмо Кони к Радлову показывает, что его автор странно умалчивает, куда пропала рукопись, если С. Никитенко ее передала ему в руки.

«По словам Е. А. Старицкой, С. А. Никитенко завещала ее отцу (А. И. Старицкому. — В. М.) хранившийся у нее архив гончаровских рукописей и писем. Перед отъездом в эмиграцию А. И. Старицкий через Н. А. Котляревского продал архив Гончарова в Пушкинский Дом за 120 тысяч рублей. Пакет с “Необыкновенной историей” и рукописи очерков “Опять Гамлет на русской сцене”, “Материалы для критической статьи об Островском” в то же время были проданы в ГПБ» [Лобкарева: 297–298]. Еще часть рукописей Старицкий передал своим родственникам: профессору Петербургского университета историку И. М. Гревсу и А. М. Фокину.

Следует обратить внимание и на отношение Старицкого к возложенной на него С. Никитенко задаче: довести рукопись до издания. Причем посредством передачи ее в Публичную библиотеку, как и завещал Гончаров. Старицкий неукоснительно соблюдает волю как писателя, так и С. Никитенко. Он выдержал длительный срок, на чем настаивал Гончаров, а затем сделал характерную приписку: «...убедительно прошу обратить внимание на пожелания, выраженные покойным как на первой странице рукописи, так и на последней странице 50 листа, и уверить, что Публичная библиотека в точности исполнит волю умершего» [О первой публикации «Необыкновенной истории»: 307]¹. То есть он ставит библиотеке условие при передаче рукописи: только получив заверения Радлова в том, что «Необыкновенная история» будет опубликована, он передает ее в Публичную библиотеку. Очевидно, и он, и С. Никитенко сознавали, что люди, принадлежащие к кружку Стасюлевича, попытаются под любыми благовидными предлогами не допустить рукопись до издания. Все эти факты абсолютно исключают историю Кони о том, что Никитенко передала рукопись «Необыкновенной истории» ему. Таким образом, публикаторы явно ошиблись, говоря, что рукопись «каким-то образом исчезла из архива Кони и на протяжении двух десятилетий судьба ее не прослеживается». Исследователи не решились на тот вывод, который с очевидностью следует из письма Кони к Радлову: почти невозможно сомневаться, что Кони уничтожил бы рукопись «Необыкновенной истории», если бы она

¹ Старицкий передал рукопись в апреле 1920 г. Первая публикация его записки была осуществлена О. А. Демиховской: [Гончаров. Новые материалы: 92]. Затем О. А. Демиховская опубликовала ее повторно [Старицкий. 449–450].

была в его руках.

Это подтверждается самим ходом событий. Когда в 1920 г. он действительно узнал о существовании «Необыкновенной истории», Кони приложил все усилия для того, чтобы рукопись была уничтожена. Об этом свидетельствует его переписка с Радловым. В письме к нему от 1 августа 1920 г. Кони использует всю возможную аргументацию для того, чтобы «Необыкновенная история» была не только не опубликована, но и каким-либо образом уничтожена: «Глубокоуважаемый Эрнест Львович! При последнем нашем свидании, в Публичной библиотеке, Вы разрешили мне написать Вам по поводу предполагаемого издания рукописи И. А. Гончарова, в которой он говорит о своих отношениях к Тургеневу и характеризует последнего. Рукопись эта первоначально была отдана в мое распоряжение покойной дочерью А. <В> Никитенко¹. Прочитав этот поток подозрений Тургенева в своеобразном плагиате сюжетов, злобных инсинуаций по его адресу и ругательных характеристик, я пришел в мое время к выводу, что это больной бред (Гончаров, несомненно, страдал “навязчивыми идеями”, в чем по отношению к Тургеневу я имел случай лично и много раз убедиться, о

¹ Скорее всего, Кони был информирован об общем содержании рукописи самой С. А. Никитенко, но не читал ее. Об этом говорит и то, что цитат из нее нет в речи 1912 г., в то время как достоверно использованные документы (письма к Стасюлевичу, Никитенкам, Константину Романову) цитируются. Кроме того, в письме к К. Романову Кони сам перечисляет источники, которыми он пользуется. Среди них нет гончаровской рукописи. Характер и направленность использования попавших к Кони материалов подсказывают, что если бы рукопись «Необыкновенной истории» хоть какое-то время была в его руках, он бы не удержался от цитирования если не кусков текста, то отдельных выражений или слов, поскольку его речь построена так, чтобы убедить слушателей в тесной связи его с Гончаровым, необыкновенной его информированности и пр. Она пестрит выражениями, которые для специалистов могут показаться и глубокими, и одновременно удивляющими свежестью мысли и обнажающей истину парадоксальностью. Ссылка на «Необыкновенную историю» в таком случае была бы весьма кстати, даже если бы она носила затушеванный характер. Кстати сказать, на самом деле речь Кони состоит из расхожих, но мастерски подобранных переложений забытой критики 1840–1850-х гг., цитат из писем, общих наблюдений, порою не лишенных интереса, и пр. Она лишена глубины, искренности и любви к Гончарову, хотя и считается едва ли не лучшим мемуарным документом о Гончарове.

чем, при удобном случае, могу Вам подробно рассказать). *Лучше всего* согласно надписи, сделанной самим Гончаровым на рукописи, *ее уничтожить* (курсив наш. — В. М.). С этим был согласен и Н. А. Котляревский, который прочел рукопись Гончарова¹. Я не знаю, по какому поводу и праву передал Старицкий эту рукопись в Библиотеку и сделал ли он какие-либо оговорки², но с большой печалью думаю о возможности появления ее в печати и предания внутренней драмы больного человека праздному любопытству толпы... При нравственной неразборчивости рукопись Гончарова может дать обильный материал для выводов, недостойных ни памяти Гончарова и Тургенева, ни их громадных заслуг для родины. Опубликование рукописи было бы сверх того явным нарушением завета Гончарова, с такой силой выраженного в “Нарушении воли”. Неужели автор “Обломова” не заслуживает хотя бы такого снисхождения? У меня есть весьма много его весьма интимных и очень интересных писем, и я их дал в Академию наук на хранение, не желая нарушать его посмертной воли. Как было бы хорошо, если бы Библиотека сохранила рукопись Гончарова в своих недрах, не выпуская ее на “базар житейской суеты”. Простите, что отнимаю у Вас время и верьте искренней преданности и уважению А. К.» [О первой публикации «Необыкновенной истории»: 306–307].

Тем не менее, ввиду большого историко-литературного значения «Необыкновенной истории», дирекция Библиотеки приняла решение публиковать рукопись небольшим тиражом в «Сборнике Российской Публичной библиотеки». Дело в том, что директор Публичной библиотеки, Эрнест Львович Радлов, был истинным ученым, для которого просьба Кони уничтожить архивный материал, а с ним, возможно, и истину, какой бы она ни была, должна была представляться абсолютно неприемлемой. Радлов (20.11.1854, Петербург — 28.12.1928, Ленинград)

¹ Характерна эта ссылка на академика Нестора Александровича Котляревского, также принадлежащего к кругу «Вестника Европы». Академик Котляревский, автор статьи о Тургеневе-драматурге, в 1908–1909 гг. был редактором отдела беллетристики «Вестника Европы», а в 1910–1914 гг. опубликовал в «Вестнике Европы» цикл статей «Из истории общественного настроения в России в шестидесятых годах прошлого века» [Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь 3: 111].

² Очевидно, что Кони опасается условий, действительно выдвинутых Старицким и, возможно, известных ему (об обязательном опубликовании рукописи «Необыкновенной истории»).

был философом, автором эстетических и литературных трудов, переводчиком. Его перу принадлежат труды по античной этике, логике, психологии, истории философии. После окончания историко-филологического факультета Петербургского университета он был направлен в Берлин и Лейпциг, где готовил свою диссертацию (1877–1879). Вернувшись в Россию, начал службу в Публичной библиотеке, совмещая ее с педагогической работой и чтением лекций. В 1880 г. он познакомился с философом В. С. Соловьевым, знакомство перешло в многолетнюю дружбу. Радлов воспринял как основу своего философского творчества идею Соловьева о всеединстве и цельном знании и ко всем философским вопросам подходил с той точки зрения, что «только безусловное начало, Бог, придает земной жизни смысл и ценность» [Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь 5: 240]. Работы Радлова отличали блестящая эрудиция и научная основательность. Как директор Публичной библиотеки Радлов проявил себя с самой лучшей стороны. Я. П. Гребенщиков писал ему: «С Вами жить было легко. Была твердая уверенность, что пока Радлов жив и управляет, библиотека... не станет на путь влияний (*sic!* но, может быть, правильнее — «виляний?»), непорядочных заискиваний, недостойных компромиссов» [Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь 5: 242]. Мог ли такой человек и ученый пойти на уничтожение рукописи русского классика? Совет Кони уничтожить «Необыкновенную историю» был отвергнут.

Но на этом дело не прекратилось, что показывает, с одной стороны, то, сколь важен был для круга «Вестника Европы» «тургеневский вопрос», а с другой — какими средствами и с какой энергией готов был этот круг пользоваться для достижения своей цели.

К лету 1923 г. рукопись была подготовлена к печати. Тогда Кони «предпринял вторичную попытку воспрепятствовать предстоящей публикации» [О первой публикации «Необыкновенной истории»: 305]. Он пишет новое письмо Э. Л. Радлову, который снова отвечает отказом: «...всему Петербургу (литературному, конечно) известно, что рукопись Гончарова находится в Библиотеке, и многие в ней заинтересованы и требуют ее опубликования. Если Библиотека сама не возьмет на себя это дело, то она не может воспрепятствовать другим исполнить его. Конечно, если б это дело было грязное, то его следовало бы предоставить другим, но Библиотека посмотрела на него несколько иначе. Ведь Библиотека приобрела рукопись от г. Старицкого за боль-

шие деньги и без всяких ограничений ее прав владения, к тому же воля самого Гончарова, как это видно из двух записей, сделанных его рукою, клонила к тому, чтобы рукопись была опубликована ввиду ее историко-литературного значения. Ничто не мешало Гончарову сжечь рукопись, если он этого желал; но он этого не сделал, следовательно, имел в виду возможность появления ее в печати; ценил он свое произведение как характеристику литературных нравов известной эпохи. Хотя в рукописи и встречаются резкие, грубые и злые выражения, свидетельствующие о неуравновешенном состоянии писавшего, но в сущности она не прибавляет ничего нового по отношению к противнику и не может особенно повредить его памяти: отношение Гончарова к Тургеневу было — как это Вам, конечно, хорошо известно — предметом обсуждения как в печати, так и в разных докладах¹ [О первой публикации «Необыкновенной истории»: 307].

В январе 1924 г. «Необыкновенная история» была опубликована [Гончаров 1924: 7–189], а рукопись сохранена в архивах Публичной библиотеки. Но и здесь Кони не успокоился. Отбрасывая всякие этические нормы и недавно выраженную заботу о репутации Гончарова (и Тургенева), он пошел на крайние меры с целью указать на виновника «необыкновенной истории» (Гончаров как в воду глядел, сказав: «А его друзья (или слуги — у него друзей не было) будут только пристрастно вопиять за него и против меня»). Теперь его задачей было публично объявить Гончарова психически больным человеком. 17 ноября 1924 г. он выступил в ленинградском Доме ученых с лекцией о Гончарове. Анонимный корреспондент «Красной газеты» писал об этом выступлении: «Анатолий Федорович убедительно доказал, что “Необыкновенная история” — плод тяжелого болезненного состояния Гончарова. Книга эта не может дать ничего ни исследователю, ни читателю. Она дает только обильный материал для психиатрического диагноза» [Аноним].

О пристрастии Кони и всего кружка Стасюлевича к Тургеневу писатель догадывался задолго до своей кончины. В «Необыкновенной истории» Гончаров с горечью говорит об этом: «Он (Тургенев. — В. М.)...

¹ В последних словах звучит явная ирония, т. к. «доклад» об отношениях Тургенева и Гончарова включил в юбилейную речь 1912 г. сам Кони. Вся заключительная часть письма также звучит не без иронии: «Думаю, что и мне, и Вам придется, как это ни грустно, примириться с неизбежным и заглушить в себе скорбь...»

поспешил сблизиться с Стасюлевичем и начал хлопотать для него... перенес свое перо из “Русск<ого> вест<ника>” в “Вестн<ик> Европы”... и они снюхались вполне друг с другом, *угадав один в другом две сходные во многом (в гибкости) натуры* (курсив наш. — В. М.). Я заметил, еще вскоре после “Обрыва”, что Стасюлевич допрашивается искусно у меня о том, что я хочу писать далее. Конечно, я молчал, угадывая его умысел... Я с тех пор стал удаляться от Стасюлевича — несмотря на их обоих с женой усиленные приглашения — видя, что у него с Тургеневым состоялось секретное соглашение. Стасюлевич даже скрывал от меня, что часто видится с Тургеневым во время поездок за границу, а говорил, что видел его мельком, полчаса, и даже отзывался о нем с легкой небрежностью, чтоб отвести мне глаза. Но поздно, я уже все видел» [Гончаров 2000а: 244–245]. В своих воспоминаниях Кони приводит дуббельнский эпизод 1880 г.: «Последний отголосок этого состояния видел и я, когда летом 1880 года в Дуббелне, ссылаясь на трудность приобретения и дороговизну ставшего редкостью «Обломова», я уговаривал его издать полное собрание своих сочинений. “Такой совет мне мог бы дать, — сказал мне, мрачно потупясь, Гончаров, — лишь недруг: разве вы хотите, чтобы меня стали обвинять в том, что я обокрал Тургенева?!” Мне стало ясно, что навязчивая идея завершила свой круг...» [Кони 1989: 66]. Слова Гончарова, конечно, кажутся странными, тем более учитывая, что Кони позиционирует себя как его «молодой друг». Однако мы ничего не знаем о контексте разговора. Возможно, таким образом Гончаров лишь дал понять Кони, что видит и понимает его (и Стасюлевича) истинное отношение к себе и к Тургеневу. Как показали события после его смерти, он не ошибся в Кони. Что же касается переиздания полного собрания сочинений, то Гончаров после этого разговора переиздал его трижды: в 1884, 1886 и в 1889 гг., никак не опасаясь, что его обвинят в литературной краже. В его словах, обращенных к Кони, видится, скорее, выраженное вслух прозрение.

Список литературы

<Аноним>. А. Ф. Кони о Гончарове // Красная газета. Л., 1924. Вечерний выпуск. № 263. 18 ноября. С. 3. Цит. по: И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. Т. 102. С. 306.

Балакин Алексей. Ненаписанные воспоминания А. Ф. Кони о Гончарове: попытка реконструкции // Десятая Международная летняя школа по русской литературе: статьи и материалы. Цвелодубово, Ленинградская обл., 2014. С. 3–24.

Балакин А. Ю. Неизвестные страницы воспоминаний А. Ф. Кони о Гончарове // Русская литература. 2012. № 2. 256 с.

Гончаров И. А. Мильон терзаний: («Горе от ума» Грибоедова. Бенефис г. Монахова, ноябрь 1871 г.) // Вестник Европы. 1872. № 3. С. 429–460.

Гончаров И. А. Необыкновенная история: (Истин. события) / ред. и примеч. Д. И. Абрамовича // Сб. Рос. Публ. 6-ки. Пг.: Брокгауз — Ефрон, 1924. Т. 2. Материалы и исследования. Вып. 1. С. 7–189.

И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000а. Т. 102. 736 с.

И. А. Гончаров. Новые материалы о жизни и творчестве писателя. Ульяновск: Приволжское книжн. изд-во, 1976. 160 с.

[*Гончаров И. А.*] Письма И. А. Гончарова к А. Ф. Кони / вступ. ст., публ., коммент. В. И. Мельника // Симбирский вестник. Ульяновск, 1994а. Вып. 2. С. 59–73.

[*Гончаров И. А.*] Письма И. А. Гончарова к А. Ф. Кони / предисл., коммент., публ. В. И. Мельника // Гончаровские чтения. Ульяновск, 1995. С. 82–95.

[*Гончаров И. А.*] Письма И. А. Гончарова к А. Ф. Кони / вступ. ст., коммент. и публ. В. И. Мельника и Т. И. Орнатской // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000б. Т. 102. С. 434–534.

[*Гончаров И. А.*] Письма И. Гончарова к И. И. Монахову / публ. И. Н. Сухих // И. А. Гончаров. Материалы и исследования. Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000в. Т. 102. С. 539–559.

Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л.: Наука, 1978. 296 с.

Кони А. Ф. Воспоминания о писателях / сост., вступ. ст. и коммент. Г. М. Миронова, Л. Г. Миронова. М.: Правда, 1989. 656 с.

Кони А. Ф. Письмо к К. К. Романову от 10 апреля 1911 г. // И. А. Гончаров в кругу современников. Незданная переписка / сост., подг. текста и коммент. Е. К. Демиховской, О. А. Демиховской. Псков, 1997. 454 с.

Кони А. Ф. Собр. соч.: в 8 т. М.: Юридическая литература, 1966–1969.

Лобкарева А. В. К вопросу об истории архива И. А. Гончарова // И. А. Гончаров: материалы Междунар. конф. к 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1994. С. 297–302.

Мазон А. Гончаров как цензор: (К освещению цензорской деятельности И. А. Гончарова) // Рус. старина. 1911. № 3. С. 471–484.

[*Мазон А. А.*] Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова, собранные А. А. Мазоном. СПб.: Тип. т-ва п/ф «Электро-тип. Н. Я. Стойковой», 1912. 95 с.

Мельник В. И. И. А. Гончаров и А. Ф. Кони. Неопубликованные письма // Волга. Саратов. 1985. № 12. С. 163–165.

Мельник В. И. «Театральная эстетика» И. А. Гончарова: истоки интереса и эволюция // Кино — Театр: коллективная монография / редкол.: Д. В. Родионов и др. М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2017. 224 с.

О первой публикации «Необыкновенной истории» (Письма А. Ф. Кони и Э. Л. Радлова) / предисл. редакции «Литературного наследства»; публ. О. А. Демиховской // И. А. Гончаров. Материалы и исследования. Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. Т. 102. С. 305–307.

Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3. М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1994. 591 с.

Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 5. М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2007. 800 с.

Смолярчук В. И. Анатолий Федорович Кони. М.: Наука, 2001. 220 с.

Старицкий А. И. [Заявление в Публичную библиотеку] // И. А. Гончаров в кругу современников: Неизданная переписка / сост., подг. текста и коммент. Е. К. Демиховской и О. А. Демиховской. Псков, 1997. 454 с.

References

<Anonim>. A. F. Koni o Goncharove [A. F. Koni about Goncharov]. *Krasnaja gazeta* [Red newspaper]. L., 1924, Vechernij vypusk, № 263, 18 nov., pp. 3. Cit. po: I. A. Goncharov. *Novye materialy i issledovanija. Literaturnoe nasledstvo* [I. A. Goncharov. New materials and research. Literary legacy]. Moscow, IMLI RAN, Nasledie Publ., 2000, vol. 102, pp. 306. (In Russ.)

Balakin Aleksej. *Nenapisannye vospominanija A. F. Koni o Goncharove: popytka rekonstrukcii* [A. F. Kony's unwritten memories of Goncharov: an attempt at reconstruction]. *Desjataja Mezhdunarodnaja letnjaja shkola po russkoj literature: Stat'i i materialy* [Tenth international summer school in Russian literature: Articles and materials]. Cvelodubovo, Leningradskaja obl., 2014, pp. 3–24. (In Russ.)

Balakin A. Ju. *Neizvestnye stranicy vospominanij A. F. Koni o Goncharove* [Unknown pages of A. F. Kony's memoirs about Goncharov]. *Russkaja literature* [Russian literature], 2012, № 2, 256 p. (In Russ.)

Goncharov I. A. *Millon terzanij*: ("Gore ot uma" Griboedova. Benefis g. Monahova, nojabr' 1871 g.) [A million torments: ("Woe from wit" Griboyedov. Benefit G. Monakhov, November 1871)]. *Vestn. Evropy* [Herald Of Europe], 1872, № 3, pp. 429–460. (In Russ.)

Goncharov I. A. *Neobyknovennaja istorija: (Istin. sobytija)* [An extraordinary story: (the true events)], red. i primech. D. I. Abramovicha. *Sb. Ros. Publ. b-ki*. Petersburg, Brokgauz–Efron, 1924, vol. 2. Materialy i issled., issue 1, pp. 7–189. (In Russ.)

I. A. Goncharov. *Novye materialy i issledovanija. Literaturnoe nasledstvo* [I. A. Goncharov. New materials and research. Literary legacy]. Moscow, IMLI RAN, Nasledie Publ., 2000, vol. 102, 736 p. (In Russ.)

I. A. Goncharov. *Novye materialy o zhizni i tvorchestve pisatelja* [I. A. Goncharov. New materials about the life and work of the writer]. Ul'janovsk, Privolzhskoe knizhn. izd-vo Publ., 1976, 160 p. (In Russ.)

[Goncharov I. A.] *Pis'ma I. A. Goncharova k A. F. Koni* [Letters of I. A. Goncharov to A. F. Kony], vstup. st., publ., comment. V. I. Mel'nika. *Cimbirskij vestnik* [Simbirsk Herald]. Ul'janovsk, 1994, vol. 2, pp. 59–73. (In Russ.)

[Goncharov I. A.] *Pis'ma I. A. Goncharova k A. F. Koni* [Letters of I. A. Goncharov to A. F. Kony], predisl., comment., publ. V. I. Mel'nika. *Goncharovskie chtenija* [Goncharov's readings], Ul'janovsk, 1995, pp. 82–95. (In Russ.)

[Goncharov I. A.] *Pis'ma I. A. Goncharova k A. F. Koni* [Letters of I. A. Goncharov to A. F. Kony], vstup. st., comment. i publ. V. I. Mel'nika, T. I. Ornatskoj. *I. A. Goncharov. Novye materialy i issledovanija. Literaturnoe nasledstvo* [I. A. Goncharov. New materials and research. Literary legacy]. Moscow, IMLI RAN, Nasledie Publ., 2000, vol. 102, pp. 434–534. (In Russ.)

[Goncharov I. A.] *Pis'ma I. A. Goncharova k I. I. Monakhovu* [Letters of I. Goncharov to I. I. Monakhov], publ. I. N. Suhih. *I. A. Goncharov. Materialy i issledovanija. Literaturnoe nasledstvo* [I. A. Goncharov. New materials and research. Literary legacy]. Moscow, IMLI RAN, Nasledie Publ., vol. 102, 2000, pp. 539–559. (In Russ.)

Ezhegodnik rukopisnogo otдела Pushkinskogo Doma na 1976 god [Yearbook of the manuscript Department of the Pushkin House for 1976]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, 296 p. (In Russ.)

Koni A. F. *Vospominanija o pisateljah* [Memories of the writers], sost., vstup. st. i komment. G. M. Mironova, L. G. Mironova. Moscow, Pravda Publ., 1989, 656 p. (In Russ.)

Koni A. F. *Pis'mo k K. K. Romanovu ot 10 aprelya 1911 g.* [Letter to K. K. Romanov dated April 10, 1911]. *I. A. Goncharov v krugu sovremennikov. Neizdannaja perepiska* [I. A. Goncharov in the circle of contemporaries. Unreleased correspondence], sost., podg. teksta i komment. E. K. Demihovskoj, O. A. Demihovskoj. Pskov, 1997, 454 p. (In Russ.)

Koni A. F. *Sobr. soch.: v 8 t.* [Collected works: in 8 vol.]. Moscow, Juridicheskaja literature Publ., 1966–1969.

Lobkareva A. V. *K voprosu ob istorii arhiva I. A. Goncharova* [To the question of the history of the archive of I. A. Goncharov]. *I. A. Goncharov: Materialy Mezhdunarodnoj konferencii k 180-letiju so dnja rozhdenija I. A. Goncharova* [Proceedings of The international conference on the 180th anniversary of I. A. Goncharov]. Ul'janovsk, 1994, pp. 297–302. (In Russ.)

Mazon A. *Goncharov kak cenzor: (K osveshheniju cenzorskoj dejatel'nosti I. A. Goncharova)* [Goncharov as censor :(to the coverage of the censor activity of I. A. Goncharov)]. *Rus. starina* [Russian antiquity], 1911, № 3, pp. 471–484. (In Russ.)

[Mazon A. A.] *Materialy dlja biografii i harakteristiki I. A. Goncharova, sobrannye A. A. Mazonom* [Materials for biography and characteristics of I. A. Goncharov, collected by A. A. Mazon]. Sankt-Peterburg, tip. t-va p/f «Jelektro-tip. N. Ja. Stojkovojoj», 1912, 95 p. (In Russ.)

Mel'nik V. I. *I. A. Goncharov i A. F. Koni. Neopublikovannye pis'ma* [I. A. Goncharov and A. F. Kony. Unpublished letters]. Volga. Saratov, 1985, № 12, pp. 163–165. (In Russ.)

Mel'nik V. I. «*Teatral'naja jestetika*» I. A. Goncharova: *istoki interesa i jevoljucija* [“Theatrical aesthetics” by I. A. Goncharov: sources of interest and evolution]. Kino —

Teatr: kolektivnaja monografija, redkoll.: D. V. Rodionov i dr. Moscow, GCTM im. A. A. Bahrushina Publ., 2017, 224 p. (In Russ.)

O pervoj publikacii «Neobyknovennoj istorii» (Pis'ma A. F. Koni i Je. L. Radlova) [On the first publication of “Extraordinary history” (Letters of A. F. Kony and E. L. Radlov)], predisl. redakcii «Literaturnogo nasledstva», publ. O. A. Demihovskoj. *I. A. Goncharov. Materialy i issledovanija. Literaturnoe nasledstvo* [I. A. Goncharov. Materials and research. Literary legacy]. Moscow, IMLI RAN, Nasledie Publ., 2000, vol. 102, pp. 305–307. (In Russ.)

Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar' [Russian writer. 1800–1917. Biographical dictionary]. Moscow, Nauchnoe izdatel'stvo «Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija» Publ., 1994, vol. 3, 591 p. (In Russ.)

Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar' [Russian writer. 1800–1917. Biographical dictionary]. Moscow, Nauchnoe izdatel'stvo «Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija» Publ., 2007, vol. 5, 800 p. (In Russ.)

Smoljarchuk V.I. *Anatolij Fedorovich Koni*. Moscow, Nauka Publ., 2001, 220 p. (In Russ.)

25. Starickij A. I. [*Zayavlenie v Publichnuju biblioteku*]. *I. A. Goncharov v krugu sovremennikov. Neizdannaja perepiska* [I. A. Goncharov in the circle of contemporaries. Unreleased correspondence], sost., podg. teksta i komment. E. K. Demihovskoj, O. A. Demihovskoj. Pskov, 1997, 454 p. (In Russ.)